

НИЦШЕ И МУЗЫКА

1

Жизнь Ницше, при всей своей сложности и противоречивости, обладает тем единством напряжения ("тоноса" - в стоическом смысле), которое позволяет, прослеживая любую из частных нитей его развития, вскрыть закон *всей* его судьбы: в ее сдвигах, разрывах, преодолениях и неизбежно предрешенной гибели.

Вот одна из этих нитей - и очень существенная - Ницше и музыка. Здесь, как и повсюду: история страстной вражды и борьбы, во имя высшего в себе, с низшим, но тоже - кровным, близким, своим. Ибо человек *дан* самому себе как текучее и неоформленное множество противоречивых и смутных тенденций, но *задан* себе как завершенное и божественно-простое единство иерархически-соподчиненных сил.

"*Стань собою*" - гласит излюбленная Ницше формула Пиндара, и этот выбор, это осуществление *подлинного себя* совершается не просто через отметение чужого, чуждого, внешнего, но через трагическое изживание-преодоление части самого себя.

Но с какой жадностью и бесстыдством набросились биографы и истолкователи на переписку Ницше и весь его "Nachlass"¹: "а и он был, как мы, и он был христианин *malgre lui*², декадент, романтик, немец духом и вагнерианец до гроба..."

Такого Ницше они готовы и принять, и полюбить, т.е. полюбить в нем то, что он в себе *отверг*, а не то, что он *выбрал* из хаоса своего психологического становления и, выбрав, утвердил перед лицом "Вечного Возврата".

2

"Моя связь с музыкой, - говорит Ницше, - это факт огромной важности для понимания той психологической проблемы, какую я собой представляю". С музыкой была у него давняя близость и страстные счеты. Девятилетним мальчиком начал он сочинять кантаты на библейские тексты и с тех пор, до конца своей сознательной жизни, вновь и вновь, иногда наперекор самому себе, возвращался к композиции. Музыка, как воздух, которым он дышал, непрестанно его окружала - хотел он того или не хотел...

Однако, лишь в первый, базельский, "дотрагический" период отношение философа к музыке было безоговорочно и безусловно. Все в нем - еще в состоянии хаотического брожения и начальной слитности. Выбор еще не сделан, преодоление еще не начато. Шопенгауэр и отголоски христианской наследственности и воспитания еще мирно сочетаются в нем с культом досократовских мыслителей Эллады, и аттическая трагедия — с романтизмом и Вагнером. И надо всем, как символ этого дотворческого хаоса, - стоит музыка.

"Когда я думаю о том, что хоть несколько людей следующего поколения получат от музыки то, что я от нее получил, - я готов ждать совершенно новой культуры... Все, что стоит вне связи с музыкой, внушает мне тошноту и отвращение". И несколько дальше, в том же письме 1871 г.: "Вернувшись с концерта, я ощутил ужас перед действительностью, ибо она предстала мне уже не действительной, но призрачной". Или еще: "«Мейстерзингеры»: "ответ немецкой культуры французской цивилизации". Итак, вот чего искал, вот что любил тогда Ницше в музыке: романтизм, потустороннее, иллюзорный мир, перед которым меркнет действительность, выражение германского духа. Словом, все то, преодоление чего стало впоследствии делом его жизни. Отвергнув это, он должен был отвергнуть и музыку. Музыку Вагнера, северную, германскую, романтическую музыку или - музыку вообще, музыку как таковую?

Вокруг этой именно проблемы нарастает в дальнейшем сложная цепь конфликтов, отречений, любви и ненависти.

3

Музыка романтична по своей природе; она - последыш культуры, сладостное воспоминание и утешение; поэтому она торжествует лишь тогда, когда все подлинно-великое осталось в прошлом. "Не принадлежит ли к ее природе быть противоречением? Не сестра ли она стилю барокко? Вообще музыка не есть ли уже декаданс? Почему немецкая музыка кульминирует именно в эпоху романтизма? Почему гетевское начало совсем не представлено в музыке? Именно как романтика достигла высшей зрелости и совершенства, и как реакция против классического начала". Ницше отмечает "опасливое отношение Гете к музыке", указывает на "разнузданность музыки" и с презрением говорит: "Есть люди, которые мечтают опьянить музыкой весь мир и воображают, что тогда именно придет настоящая культура". (Сам он еще недавно принадлежал к этим именно людям.)

¹ Наследие (нем.).

² Вопреки самому себе (франц.).

"Я начал с того, - рассказывает философ, - что запретил себе музыку, - это чванливое, тяжелое и удушливое искусство, которое лишает дух строгости и веселости... Cave musicam³ - вот мое правило и мой совет всем, кто еще ценит чистоту духа".

4

Казалось, Ницше решительно порвал с музыкой. Но нет. Музыка мстит за себя и неотвратимо преследует изменившего: Ницше не в силах остаться при своем отрицании, он хочет противопоставить отвергнутой музыке другую, "менее абсолютную", - но все-таки музыку. Он мечтает "музыке Юга" "злой и веселой", "глубокой и радостной, как последруденный час в октябре". "Il faut méditerraniser la musique!"⁴ И он провозглашает первенство "аристократической" мелодии в ущерб гармонии; истолковывает "затемнение мелодии" как "демократическое безобразие" и "отголосок революции". Гармония – служанка, и ее торжество - торжество варварского, германского начала. И вот Ницше жадно ищет воплощения этой постулируемой музыки в посредственных композициях своего друга Гаста, в мелодике итальянской оперы и, наконец, со всем упрямством и пафосом отчаяния - у Бизе.

"Не надо всерьез принимать мое увлечение Бизе", - вырывается у Ницше в одном письме. Да, но Ницше не может без слез слушать "Кармен", он испещряет патетическими примечаниями поля партитуры...

5

И это не все. Изгнанная им и умаленная в своих правах музыка вторгается в его жизнь иными, косвенными путями. Она захлестывает страницы "Заратустры", нарушает своим мятежным напором строй и строгость ницшевой мысли. Вспомним, что рассказывает Ницше в "Ессе homo" о том состоянии музыкального "исступления", в котором создавался "Заратустра". "Может быть, «Заратустру» следует причислить к музыке", - говорил он сам. Не потому ли эта изумительная книга - *формально* невыносима и почти оскорбительна? .

Жажда музыки неукротимо растет и достигает своего апогея к последнему году сознательной жизни философа. Безумие приближается к нему под маской музыки. Или музыка под маской безумия?..

"Музыка возбуждает во мне теперь чувства, каких еще никогда не возбуждала".

"Только что вернулся с концерта. Это самое сильное музыкальное впечатление всей моей жизни. После четвертого такта я был в слезах".

(Весь этот восторг по поводу какого-то Россаро). Письмо помечено декабром 1888 года. В начале января Ницше, уже безумный, целыми днями поет в своей туринской мансарде и пишет Гасту: "Спой мне новую песню. Мир просветлен, и все небеса радуются". Он подписывается: "Дионис распятый".

6

Музыка - лишь одна из личин той темной и разрушительной силы, с которой всю жизнь трагически и безнадежно боролся Ницше. И эта сила победила.

"Она победила - значит она права", - говорят те, кто в трагедии хочет видеть лишь плоскую нравоучительную драму, где герой своей гибелью платит за попрание правого закона.

Но извлекать "мораль" из трагедии - кощунственно.

7

Оставим трагедию Ницше и вернемся к его философии. В чем для нас смысл его предостережения? В том, что музыка (и как искусство, и как одна из космических сил) сама по себе - начало хаотическое, а не творческое. Сила женственная - она должна быть обуздана, приведена к покорству. Она становится плодотворной только если ей противопоставлена вся неумолимая, мужественная ясность расчленяющего разума и законодательствующей воли.

Но музыка как самодовлеющее искусство чистого звука, музыка, переставшая повиноваться и служить жизни, - губительна. Это - развоплощенный и соблазнительный мир; это начало вампирическое, высасывающее кровь из жизни.

Она будит и доводит до последнего напряжения страстные и героические энергии, скрытые в нас?

Да, но пробудив, сама же их вырывает без остатка, отводит из жизни в пустоту.

³ Остерегайся музыки (лат.).

⁴ Пора придать музыке средиземноморскость! (франц.).

Из концертного зала мы выходим опустошенными и глухими к действительности. Достаточно одного часа, чтобы вызвать в нас и разрядить в ослепительной и бесплодной вспышке годами накопленную энергию, - накопленную для жизни, для дела.

Музыка, в какие бы строгие и мудрорасчлененные формы она ни облекалась, всегда поет "про древний хаос, про родимый".

Горе культурам и искусствам, когда в них музыкант вытесняет зодчего.
"Cave musicam!"

Бахтин Н. М. Из жизни идей. Статьи. Эссе. Диалоги. – «Лабиринт», 1995, стр. 24